

На текущія темы.

Волчья тактика и чиновническое остроуміе.—Объ одномъ волченкѣ.—О вредѣ чрезмѣрной стремительности.—Своеобразная группировка.

Лѣтомъ прошлаго года окончила свое трудное и много-страдальное, хотя и весьма кратковременное житіе черниговская „Просвіта“. Хотя подобная участь украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій сдѣлалась у насъ въ послѣднее время своего рода бытовымъ явленіемъ, но въ судьбѣ черниговской „Просвіты“ есть нѣчто исключительное даже съ точки зрѣнія столыпинскаго циркуляра объ инородческихъ обществахъ, даже по сравненію съ судьбою раньше закрытыхъ ея товарокъ. Здѣсь не просто закрыли,—это вѣдь штука нехитрая: сослался на циркуляръ за № такимъ-то, и готово,—здѣсь предварительно наизмывались вдоволь надъ несчастнымъ обществомъ, донимая его и мытъемъ, и катаньемъ, наслаждаясь всею полнотою власти надъ нимъ; здѣсь издѣвались грубо, систематически, на каждомъ шагу подчеркивая свою силу; здѣсь даже самый актъ закрытія обратили въ сплошное издѣвательство. На столбцахъ „Рады“ одинъ изъ членовъ закрытаго общества напечаталъ недавно подробный отчетъ о мытарствахъ черниговской „Просвіты“¹⁾, и, право, этотъ строго-фактической очеркъ заслуживаетъ того, чтобы не потеряться въ ежедневномъ газетномъ матеріалѣ. Онъ краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе и, при всей своей сдержанности, много красочнѣе самыхъ горячихъ іереміадъ иллюстрируетъ тотъ націоналистическій курсъ, который теперь заполняетъ всѣ поры російской государственной и общественной жизни. Чѣмъ-то воистину кошмарнымъ вѣетъ отъ этой слишкомъ обыкновенной исторіи. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, при чтеніи упомянутаго отчета все время рисовалась картина, такъ гениально изображенная Щедринымъ въ его сказкѣ о „самоотверженномъ зайцѣ“. „Сидитъ заяцъ на заднихъ лапкахъ

1) Черніговецъ, „Доля черніговської „Просвіти“, „Рада“, № 48.

подъ кустомъ и не шевелится. Только объ одномъ думаетъ: черезъ столько-то сутокъ и часовъ смерть должна притти. Глянетъ онъ въ сторону, гдѣ находится волчье логово, а оттуда на него свѣтящее волчье око смотреть. А въ другой разъ и еще того хуже: выйдутъ волкъ съ волчихой и начнутъ по полянкѣ мимо него погуливать. Посмотрятъ на него, и что-то волкъ волчихѣ по-волчьему скажетъ, и оба зальются: ха-ха! И волчата тутъ же за ними увяжутся: играючи, къ нему подбѣгутъ, ласкаются, зубами стучатъ "... Кажется, хуже и быть не можетъ. Но, безъ сомнѣнія, хуже, гаже и отвратительнѣе это обычное проговариванье волка: „А можетъ быть... ха-ха... я тебя и помилую!“—это издѣвательство надъ беззащитнымъ обреченнымъ созданіемъ, это вѣчное напоминаніе, что ты въ моей власти,—что захочу, то и сдѣлаю. И въ Черниговѣ послѣдніе годы происходило именно такое издѣвательство надъ „Просвітой“ съ неизмѣннымъ припѣвомъ: „А можетъ быть... ха-ха... я тебя помилую“...

„Просвіта“ въ Черниговѣ была открыта въ началѣ 1906 года, когда еще не успѣли догорѣть огни и облетѣть цвѣты былыхъ надеждъ и упованій. Располагая весьма скромными силами и ограниченными средствами, молодое общество, тѣмъ не менѣе, сразу проявляетъ замѣтную дѣятельность. Оно основываетъ бібліотеку-читальню, организуетъ рядъ чтеній, рефератовъ, лекцій, спектаклей; основываетъ нѣсколько філій по губерніи, принимаетъ участіе въ общей работѣ вмѣстѣ съ другими просвѣтительными обществами. Въ небольшомъ городѣ, бѣдномъ вообще просвѣтительными учрежденіями и силами, дѣятельность „Просвіты“ даже съ общекультурной точки зрѣнія являлась необходимой и желательной, тѣмъ болѣе, что ничего подозрительнаго въ смыслѣ угрозы „общественному спокойствію и безопасности“ не заключала. Но... свѣтящее волчье око вѣдь недаромъ сторожило близости...

Съ перваго же года существованія общества мѣстная администрація обратила на него свое благосклонное вниманіе. Запрещались почему-то общія собранія членовъ, запрещень кіоскъ для продажи книгъ и газетъ, запрещень книжный складъ въ помѣщеніи „Просвіты“, запрещены рефераты и чтенія для рабочихъ, не разрѣшены бібліотеки въ деревняхъ, закрыты філіи,—между прочимъ, одна за постановку пьесы, въ которой выведенъ получающій

взятку урядникъ... Запрещенія и пресѣченія идутъ все crescendo. Дошло до того, что губернаторъ началъ собственной властью исключать изъ общества неугодныхъ ему лицъ (перводумца Шрага, украинскаго писателя Коцюбинскаго и др.), на что, какъ эпически замѣчаетъ авторъ отчета въ „Радѣ“, не давалъ ему права ни уставъ общества, ни даже положеніе объ усиленной охранѣ. Одновременно общество и отдѣльныхъ его членовъ донимали обысками, мелкими придирами, административными булавочными уколами. Изъ программъ вечеровъ и спектаклей стали выбрасывать все, кромѣ пѣнія, такъ что однажды состоялся, какъ замѣчаетъ отчетъ, „нѣмой“ дѣтскій вечеръ, ибо даже дѣтямъ запрещено было декламировать стихотворенія и басни. На все читаемое на вечерахъ начали требовать цензурнаго (!) разрѣшенія. „А можетъ быть... ха-ха... я тебя и помилую“,—слышалось за всѣми этими придирами и запрещеніями. Но нѣтъ, не помиловали все-таки: 25-го іюля 1911 года „Просвіта“ была закрыта.

Любопытно, что для закрытія избрали глухое лѣтнее время, когда никого изъ членовъ правленія общества не было въ городѣ, и потому никто изъ нихъ не могъ явиться въ черниговское по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствіе для дачи тѣхъ или иныхъ объясненій. Еще болѣе любопытны, пожалуй, мотивы закрытія, которые являются въ сущности достойнымъ завершеніемъ того ряда издѣвательствъ, какой былъ со спокойной совѣстью продѣланъ надъ злополучнымъ учрежденіемъ. Для закрытія „Просвіты“ достаточно было ссылки на министерскій циркуляръ объ инородческихъ обществахъ, но черниговское по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствіе на захотѣло удовлетвориться столь несложнымъ рѣшеніемъ, по способу Александра Македонскаго. Оно ищетъ основаній для закрытія въ дѣятельности „Просвіты“ и, конечно, разрѣшаетъ поставленную задачу блестяще. „Просвіта“ оказалась виновной прежде всего въ томъ, что „не проявила до настоящаго времени какихъ-либо полезныхъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній“, а во-вторыхъ, что „въ дальнѣйшей своей дѣятельности можетъ вызвать явленія, угрожающія общественному спокойствію и безопасности“. Казалось бы, о томъ, что произойдетъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, менѣе всего приличествовало бы говорить официальному учрежденію, призванному наблю-

дать за дѣятельностью обществъ лишь постольку, поскольку она себя обнаружила. Появятся угрожающіе общественному спокойствію и безопасности признаки, тогда можно будетъ прихлопнуть данное общество, и упреждать событія, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно для столь солиднаго присутственнаго мѣста, какимъ должно являться всякое правительственное учрежденіе. Но верхъ чиновническаго остроумія, это—первый мотивъ, свидѣтельствующій о бездѣятельности „Просвіты“. Не говоря уже о томъ, что бездѣятельность, какъ видно изъ предыдущаго, является, выражаясь мягко, поэтическимъ вымысломъ, самая ссылка на бездѣятельность пріобрѣтаетъ игривый характеръ, въ виду указаннаго выше отношенія администраціи къ „Просвітѣ“. Получается занимательное положеніе: одна рука административной власти старательно и неуклонно пресѣкаетъ всякую дѣятельность, другая—караетъ за бездѣятельность; одно административное око строго блюдетъ, чтобы общество не выходило изъ предѣловъ незамѣтнаго существованія, другое—плачетъ по поводу столь прискорбнаго обстоятельства... Что это—наглядный примѣръ евангельской скромности, когда одна рука не знаетъ, что дѣлаетъ другая, или же пароксизмъ незлобивости, когда око десное плачетъ по поводу непроявленія нежелательной для администраціи дѣятельности? Конечно, ни то, ни другое: обѣ руки выполняютъ въ сущности одну и ту же работу; оба глаза въ полной солидарности смотрятъ въ одно мѣсто и хитро подмигиваютъ въ ожиданіи произведеннаго находчивостью и остроуміемъ эффекта. Безъ привычнаго издѣвательства не обошлась и черниговская администрація даже въ ту минуту, когда сводила послѣдніе счета съ беззащитнымъ обществомъ; закрытіе „Просвіты“ произошло въ ненарушимой гармоніи съ общей по отношенію къ ней политикой мѣстной власти.

На Украинѣ еще осталось въ живыхъ нѣсколько „Просвітѣ“. Положеніе этихъ совершенно парализованныхъ, благодаря внѣшнимъ воздѣйствіямъ, обществъ вполнѣ исчерпывается заключительной резолюціей стараго волка: „Сидите до поры, до времени подъ этимъ кустомъ, а впослѣдствіи я васъ... ха-ха... помилюю“. И сидятъ. Ждутъ своей очереди. Кое-гдѣ признаки приближающагося „помилованія“ уже обрисовываются. Въ Житомирѣ, напримѣръ, новый губернаторъ началъ свою дѣятельность съ того,

что приказаль произвести обыски у всѣхъ членовъ мѣстной „Просвіты“ и вообще среди украинской интеллигенціи ¹⁾. И, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени здѣсь не замедлитъ повториться черниговская исторія: мы будемъ писать некрологъ новопреставленной и житомирскіе чиновники источать нелицемѣрныя слезы по поводу симпатичнаго общества, которое—увы!—пришлось закрыть за „бездѣятельность“ въ настоящемъ и угрозу общественному спокойствію и безопасности въ будущемъ. А можетъ быть... ха-ха... его еще и помилюють...

Съ щедринскимъ волкомъ московскій Л. Волковъ имѣть не одно лишь внѣшнее сходство по созвучію именъ. Судя по напечатанной этимъ, съ позволенія сказать, писателемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьѣ „Мазепинство въ Москвѣ“, его нужно причислить къ той стаѣ волчатъ, которыя, не имѣя волчьей силы, обладаютъ въ то же время истинно волчьей прожорливостью, щелкая зубами на всякаго встрѣчнаго. Настоящаго вреда они сами оказать не могутъ, но, оглядываясь на достопочтеннаго папашу, отчего же не поугаты? И г. Волковъ пугаетъ... Пугаетъ, оскаливая зубы, подмигивая и даже не сдобривая своего подмигиванія добродушіемъ сытаго, стараго, выдавашаго виды волка: „а можетъ быть... ха-ха“... Г. Волковъ голоденъ и потому свирѣплъ до... ну, до лозунга г. Струве: „безъ двусмысленностей и поблажекъ“. „Сенатомъ было разъяснено,—пишетъ этотъ голодный волчонокъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей,—что такія общества, какъ польское общество „Oswiata“, имѣющія цѣлью нарушеніе государственнаго единства Россіи путемъ пропаганды идей культурной обособленности, не могутъ быть терпимы и подлежатъ закрытію. Эта точка зрѣнія, высказанная сенатомъ по поводу польскаго общества „Освята“,—еще разъ подчеркиваетъ г. Волковъ,—вполнѣ примѣнима ко всѣмъ „украинскимъ“ организаціямъ, пропагандирующимъ „украинскую“ обособленность, и къ тѣмъ органамъ печати, которые ставятъ своей задачей пропаганду малорусскаго сепаратизма“ ²⁾. Послѣднія слова направлены непосредственно по адресу нашего журнала, ибо появленіе „Украинской Жизни“ и было тѣмъ обстоятельствомъ, которое нарушило душевное

1) „Рада“, № 42.

2) „Московскія Вѣдомости“, № 44.

равновѣсіе одного изъ стаи волчатъ. И разстроенному волчьему воображенію рисуются ужасныя перспективы „раздробленія русскаго народа“ благодаря существованію нашего журнала. Тѣмъ болѣе, что вездѣ и всюду ютится измѣна; въ ней повинно не только украинское движеніе, „поддерживаемое изъ Берлина и Вѣны“, но и... петербургская академія наукъ, и московское общество славянской культуры, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ, на которыхъ г. Волковъ подмигиваетъ съ истинно волчьей непринужденностью и граціей. Все это г. Волковъ предлагаетъ пресѣчь и искоренить на основаніи вышеупомянутаго разъясненія сената.

Воистину волчьимъ аппетитомъ обладаетъ этотъ истинный сынъ отечества. Онъ, во-первыхъ, ждаты не желаетъ, и потому добродушная программа сытаго волка: „можетъ быть... ха-ха... я тебя и помилую“... кажется ему совершенно недопустимой, а во-вторыхъ, онъ до безконечности раздвигаетъ границы обреченныхъ на съѣденіе, включая въ ихъ число не только покорно ожидающихъ своей очереди, но и совершенно еще не пойманныхъ. Ибо если закрыть „Просвіту“ ничего не стоитъ для любого расторопнаго администратора по любому поводу (напримѣръ, за спектакль, на которомъ демонстрируется взятка уряднику) или вовсе безъ повода („за бездѣятельность“, по официальной терминологіи), то, напримѣръ, къ россійской академіи наукъ подступиться, полагаю, нѣсколько труднѣе. И только по молодости лѣтъ и проистекающей отсюда неопытности г. Волковъ рѣшается предлагать такую крайнюю мѣру борьбы съ „мазепинствомъ“. Неудивительно поэтому, если зарвавшійся московскій волчонокъ получить изъ Чернигова, напримѣръ, отъ лицъ, болѣе искушенныхъ въ тонкостяхъ деликатнаго обращенія, дружескій нагоняй за чрезмѣрный аппетитъ, даже старыхъ и опытныхъ волковъ способный привести въ изумленіе. Ибо такимъ аппетитомъ можно испортить даже вполне налаженное дѣло съ покорно ожидающими неизбѣжной участи...

Вообще чрезмѣрной стремительностью многое можно испортить. Въ области волчьихъ аппетитовъ этимъ дѣломъ занимается г. Волковъ на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ области благожелательнаго отношенія къ украинству къ тому же въ сущности приходитъ г. Кашкаровъ въ „Утрѣ Россіи“. Г. Кашкаровъ не только не принадлежитъ

къ волчьей стаѣ, но, напротивъ, всячески воюетъ съ ней; не только ничего общаго съ г. Волковымъ не имѣетъ, но представляетъ по отношенію къ нему прямую противоположность. Но, благодаря своей стремительности, онъ пишетъ статью „Націоналисты и мазепинцы“¹⁾, въ которой человѣческія нотки совершенно заглушаются волчьимъ завываніемъ, къ тому же безъ всякой нужды и надобности, по какому-то непостижимому капризу не осмыслившей себя мысли. Признавая и даже доброжелательствуя культурному движенію среди украинцевъ, г. Кашкаровъ отрицательно относится къ движенію политическому, и тутъ впервые въ его рѣчи слышатся волчьи нотки и даже словарь заимствуется имъ изъ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостей“. „Мазепинство,—говоритъ онъ,—дѣло рукъ германской и австрійской политики. Пропагандою мазепинства австрійское правительство рассчитываетъ внести смуту во взаимныхъ отношеніяхъ великороссовъ и малороссовъ; поддерживая мазепинцевъ, оно домогается въ социаль-демократическихъ кругахъ украинскаго общества создать политическое движеніе, которое бы связало руки русскому правительству, и тѣмъ самымъ предоставило бы свободу австрійскому движенію на Балканскій полуостровъ“. Словомъ, буквально тѣ же сказки, какія прочитаете въ любой передовицѣ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостей“ и другихъ націоналистическихъ органовъ, съ которыми по украинскому вопросу полемизируетъ г. Кашкаровъ.

Но націоналисты имѣютъ передъ нимъ большое и весьма важное преимущество. Говоря о „мазепинствѣ“, они имѣютъ въ виду все украинское движеніе, въ его цѣломъ, не допуская никакихъ исключеній; для „Новаго Времени“, наприкладъ, даже день „колоса ржи“ въ Кіевѣ превратился въ „еврейско-мазепинскую демонстрацію“ благодаря тому, что нѣкоторые изъ сборщиковъ были одѣты въ украинскіе костюмы и говорили по-украински²⁾. Здѣсь имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ вполне опредѣленнымъ взглядомъ, не допускающимъ двойственнаго къ себѣ отношенія. Если же обратиться къ „мазепинству“ г. Кашкарова, то замѣтимъ, что въ сущности онъ и самъ хорошенько не знаетъ, что это за штука такая. Выходитъ у него, что главный поставщикъ мазепинства—это закордонная Украина, Галичина, и

1) „Утро Россіи“, № 46.

2) „Кіевская Мысль“, № 68.

г. Кашкаровъ неоднократно въ своей статьѣ говорить именно о „галицкихъ мазепинцахъ“, и только къ нимъ, если исключить неизвѣстно для чего, — вѣроятно, для красоты слога, — пристегнутыхъ социаль-демократовъ, примѣняетъ этотъ истинно-русскій терминъ. Конечно, социаль-демократы въ дружественномъ единеніи съ австрійскимъ правительствомъ — это чрезвычайно веселенькій пейзажикъ, но еще забавнѣе эти „галицкіе мазепинцы“, измѣняющіе Россіи, къ которой ни въ какихъ отношеніяхъ не находятся. И въ своей чрезмѣрной стремительности не замѣчаетъ г. Кашкаровъ внутренняго противорѣчія этихъ словъ, какъ не замѣчаетъ, что, говоря о пустомъ въ сущности мѣстѣ, сбился на тонъ и приемы волчатъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Имъ-то, конечно, и книги въ руки, но для чего эти вздорныя книги о „мазепинствѣ“ понадобились г. Кашкарову, этого понять я не въ состояніи. Могу только посоветовать людямъ въ родѣ г. Кашкарова привести въ ясность свои мысли о предметахъ, о которыхъ пишутъ, и осмотрительнѣе употреблять слова, бросивъ всю эту вздорную словесность націоналистическаго лагеря.

Здѣсь советовать сравнительно легко. Но что посоветовать полтавскимъ кадетамъ, выступившимъ недавно подъ ручку съ націоналистами противъ украинцевъ, — рѣшительно затрудняюсь. Ограничусь поэтому фактической стороною дѣла. При выборахъ правленія въ полтавскомъ обществѣ взаимнаго кредита получилась крайне интересная партійная группировка. Съ одной стороны, голосовала земско-украинская группа, выставившая, между прочимъ, кандидатуру въ товарищи управляющаго перводумца Чижевскаго, съ другой — мѣстные кадеты, включающіе въ свой списокъ націоналиста Сметанкина и голосующіе вмѣстѣ съ націоналистами противъ своего товарища по фракціи въ первой Государственной Думѣ. Фактъ, не требующій комментаріевъ. Не требуетъ ихъ и то недоумѣніе, съ которымъ была встрѣчена въ Полтавѣ эта своеобразная комбинація. „Какъ это ни странно, — пишетъ „Полтавскій Край“, — ка-де выступаютъ противъ демократіи за крупную буржуазію, и выступаютъ въ сотрудничествѣ съ націоналистскими головами“. Отмѣтивъ крайне неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное на мѣстное общество такимъ оригинальнымъ союзомъ, полтавская газета совершенно основательно замѣчаетъ: „Благодаря этой сторонѣ выборовъ, интересъ и

послѣдствія ихъ далеко выходятъ изъ рамокъ общества взаимнаго кредита, въ особенности если принять во вниманіе предстоящіе выборы въ 4-ю Государственную Думу¹⁾. Какіе же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, совѣты, когда люди самоубійствомъ въ общественномъ смыслѣ занимаются! Видно, слишкомъ ужъ большую силу взяло удобное въ общежитіи правило: „съ волками жить—по-волчьи выть“, если волчьи нотки подхватываются даже и тѣми, кому какъ-будто и не къ лицу это...

С. Ефремовъ.

¹⁾ „Полтавскій Край“, № 13.